

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-364-372

**Исцелить травму:
Рецензия на книгу: Тощенко Ж.Т. Прекариат:
от протокласса к новому классу.
М.: Наука, 2018. — 350 с.***

Притязание социологической науки на владение исчерпывающим и достоверным, эмпирически верифицированным знанием о социальной реальности к концу XX века было поставлено под вопрос самой этой реальностью, на глазах изумленного наблюдателя ставшей терять определенность. Возможно, что понимание неопределенности, поливариантности течения социальных процессов стало результатом достигнутого социологами более глубокого понимания природы социального, но, как бы то ни было, градус неопределенности повысился так, что, характеризуя принципиальную специфику современной социологии, И. Валлерстайн указал на необходимость работы с неопределенностью, а З. Бауман снабдил социальное эпитетом «текущее».

Одним из проявлений победного шествия неопределенности в социологии стала эволюция понимания социального: от ригидного, предметного образования, жестко ограничивающего проявления спонтанности индивидов, описанного Э. Дюркгеймом, к поистине текучему, размытому, изменяющемуся вместе с субъектом процессу структуриации у Э. Гидденса, а в акторно-сетевой теории Б. Латура от социального не осталось ничего, кроме трудноуловимых и мгновенно испаряющихся социальных связей, по следам которых обречен бродить социолог: «Социальное — не та вещь, которую можно видеть или постулировать. Оно видимо только по следам, которые оставляет (при испытаниях), когда возникает новая ассоциация между элементами, не являющимися никоим образом „социальными“» [2. С. 20—21]. Естественно, что между неопределенностью знания о социальном и неопределенностью самих социальных процессов имеет место корреляция: социологическая рефлексия конструирует теоретический образ усложняющейся реальности.

В новой книге Ж.Т. Тощенко, посвященной анализу процессов, идущих в современном обществе, неопределенность занимает центральное место. Отмечая нарастание неопределенности в теоретико-социологических интерпретациях

* © Волков Ю.Г., 2019.

Статья поступила в редакцию 28.02.2019 г.

общества, Тощенко констатирует утрату актуальности, постигшую в начале XXI века ведущие макросоциологические концепции: «В настоящее время поставлено под сомнение использование для объяснения происходящих в мире трансформаций не только таких теорий, как буржуазное и социалистическое общества, но и постиндустриальное и информационное, постмодернистские концепции и даже общество знания, которые до конца XX века задавали тон в социологической трактовке социально-экономических и социально-политических процессов, происходящих в мире» (с. 12).

Если основные макросоциологические объяснения социальной реальности перестали работать или обнаружили свою неполноту применительно к реалиям сегодняшнего дня, то возможны два типа отношения к этому факту. Первый тип характеризуется готовностью признать неопределенность, связанную с кризисом макросоциологических конструкций, как неизбежность развития и усложнения общества и социального знания, которое к настоящему времени оказалось неспособным прийти к единой модели объяснения тонкой, текучей и едва отслеживаемой социальной реальности. Латур, в частности, предлагает осуществить критическое переосмысление социологии, аналогичное кантовской критике философии, направленное на устранение объяснительных концепций как таковых и переход к описанию отслеживаемых социальных связей. С помощью такой обновленной социологии — «социологии ассоциаций» — он предлагает преодолеть неопределенность и перейти к построению реалистического эмпирически верифицированного социального знания.

Другой тип отношения к неопределенности, более традиционный, но от этого не теряющий привлекательности, заключается в поиске новой макросоциологической концепции, адекватной современности. В книге Тощенко предпринята попытка разработки такой концепции на базе введенного П. Штомпкой понятия социальной и культурной травмы, где она рассматривается как ключевая характеристика не только социальных структур и отношений, но и самоощущения включенных в эти отношения людей. В совокупности то и другое определяются Тощенко как «общество травмы» — вслед за известной концепцией Штомпки, определяющего травму «социальную трансформацию», в основе которой лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [8. С. 6—7]. Исходя из этого определения, социальная и культурная травма — продукт и следствие социальных процессов, запущенных неким коллективным агентом, но в дальнейшем развивающихся спонтанно, причем так, что результаты ранних фаз их реализации на более зрелых фазах выступают как ограничения дальнейшего развития.

Термин «травма», приобретший популярность в современной социологии и активно используемый российскими исследователями в самых разных контекстах, позволяет, по мнению Тощенко, описывать негативные последствия системной трансформации общества. Анализируя проблемы и противоречия, возникшие в результате стратегически непродуманного сценария системных преобразований,

ставшего основным фактором множества разнообразных деформаций, автор обосновывает вводимый им новый термин «общество травмы»: «Трактовки происходящих деформаций... можно расширить до понятия „общество травмы“, если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности реальных преобразований (катастроф)» (с. 12).

К обществам травмы относятся все восточноевропейские общества, развивавшиеся по социалистическому сценарию, но подвергшиеся радикальным преобразованиям со стороны сил и групп, декларируемые цели которых не были обеспечены стратегическим мышлением и пониманием специфики своих стран. Под понятие «общество травмы» подпадают и все социальные образования, ввергнутые в состояние неопределенности и дезорганизации внутренними и внешними силами, носителями националистических или религиозно-экстремистских идеологий, и все общества, жизнедеятельность которых не организована на основе стратегических принципов управления, а «пущена на самотек».

Можно заключить, что критерием отнесения к обществу травмы является не специфика факторов, приведших к травме, а скорее возникшее в результате их действия состояние, характеризующееся высокой степенью дезорганизации, воспроизводством устойчивых деформаций, неопределенностью и непрогнозируемостью. Это состояние сопровождается нисходящим развитием, что не свойственно обществам, изменяющимся ни эволюционным, ни революционным путем: «К родовым чертам всех обществ травмы следует, прежде всего, отнести дезорганизацию экономической и политической жизни, стагнацию и даже потерю и откат от тех экономических и социальных рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития. Более того, можно говорить о деградации, которая отбросила эти страны от достигнутого уровня» (с. 16). Таким образом, общество травмы отличается и от состояния, которое связано с прохождением кардинальных, революционных по масштабу трансформаций, поскольку революционным преобразованиям свойственны не только издержки, но и позитивные результаты, а общество травмы кроме издержек катастрофического характера не предполагает ничего.

Предлагаемая Тощенко макросоциологическая концепция общества травмы как типа социального устройства, принципиальной чертой которого является отсутствие позитивных результатов развития, представляет собой способ теоретического осмысления ситуаций, в которых к настоящему времени по тем или иным причинам оказались многие общества, утратившие конструктивную модель развития, отвечающую их этнокультурным и хозяйственно-экономическим особенностям. Критерием общества травмы выступает не структурно-институциональная или культурно-идеологическая определенность: под эту категорию подпадают разнообразные по общественному укладу и культуре общества, которые объединяет только одно — захвативший все стороны социальной, экономической, политической и культурной жизни процесс деградации, неопределенность и хаос.

Концепция общества травмы выступает рамочной для рассмотрения основной темы монографии. Возникновение прекариата как специфического слоя или класса, занимающего важное место в размытой социальной структуре современных обществ, в том числе российского, рассматривается автором как следствие процессов нарастания неопределенности как в обществах высокой модернизации, так и в переживших травмировавшую их системную трансформацию. Парадоксальность этой параллели лишь кажущаяся, поскольку, как в свое время показал О.Н. Яницкий, высокая модернизация порождает собственные риски (а также и травмы), обусловленные высокой рефлексивностью зрелого социума и столь же высокой изменчивостью и гибкостью, «текучестью» в терминологии З. Баумана: «Происходящие процессы модернизации, ставшие олицетворением глобализационных сдвигов, создали по всем параметрам — технико-технологическим, организационным, экономическим, социальным и культурным — огромную зону не только неопределенности, но и неустойчивости, которая только в наступившем XXI веке наглядно проявилась в двух мировых экономических кризисах — 2008/09 и 2014/2015 годов» (с. 65). Что касается обществ травмы, то в них неопределенность возникает по другим причинам и под действием иных факторов, связана с высокой степенью дезорганизации социальной жизни, посттрансформационного ослабления социальных институтов, отсутствием выверенной стратегии реформирования. При этом указанные факторы действуют на фоне описанных выше глобальных кризисных явлений в экономике, технико-технологических прорывов, способных быстро и радикально изменять жизнь большого количества людей, в целом роста изменчивости, характерного для современного мира. Общество травмы существует в условиях наложения глобального роста неопределенности на неопределенность иной природы, порожденную внутренними социально-экономическими, политическими, культурными коллизиями.

Таким образом, возникновение в российских условиях прекариата как слоя людей, не нашедших себе постоянной ниши в структуре занятости, объясняется в монографии не только современными процессами в рыночной экономике, характер которых лишил почвы привычные представления о стабильной занятости, но и общим культурным и социально-экономическим контекстом общества травмы, в котором рядовые акторы утратили возможность долгосрочного и текущего планирования профессиональной карьеры, вынужденно депрофессионализировались в результате невостребованности или невозможности трудом по профессии обеспечить достойный уровень жизни себе и своей семье: «Тяжким испытанием... становится потеря социального статуса, когда прекарный труд начинает означать утрату прежних привычных жизненных позиций, прежней профессии, социального положения. Обычно это связано с изменением ранее имеющихся профессиональных навыков, уменьшением контактов с ранее имевшимся социальным окружением» (с. 73).

Как показывает автор, прекариат в России частично является продуктом распада не успевшего окончательно сформироваться среднего класса, на который в ходе реформ 1990-х годов возлагались большие надежды как на будущую опору общества согласно проектируемой неолиберальными реформаторами его струк-

туре, в которой средний класс должен был занять центральное и ключевое для реализации реформ место. Однако деформация социально-классовой структуры российского общества, обусловленная непродуманностью реформ, контрпродуктивной деятельностью новых элит, ориентированных прежде всего на реализацию частноэгоистических интересов, нашла отражение в возникновении социального слоя, по многим параметрам противоположного среднему классу, максимально незащищенного и нестабильного. Речь идет о «деформации социально-классовой структуры и резко увеличивающихся в ней социально и экономически неустроенных слоев — имеющих временную, сезонную, официально не оформленную, неполную занятость, безработных, молодежи, потерявшей надежду найти работу по профессии, неустроенных и эксплуатируемых мигрантов» (с. 29).

Иными словами, реальность оказалась такова, что наиболее массовым в российском обществе стал нижний слой среднего класса при общей тенденции смещения вниз всех социальных статусов, и при этом социальный статус приобрел «плавающий» характер, а сложившаяся социальная структура характеризуется нестабильностью [3. С. 325, 334]. Однако возникновение прекариата связано не только с прекаризацией нижнего сегмента среднего класса — этот слой с неопределенными границами пополняется за счет представителей всех слоев российского общества.

Размытость границ прекариата и критериев отнесения к нему объясняется тем, что в процесс прекаризации вовлекаются представители разных слоев, различающиеся уровнем образования и квалификации, а также другими значимыми характеристиками. В силу этого факта социологи не могут прийти к единому мнению в оценке места прекариата в стратификационной структуре и в понимании того, благодаря размытию каких именно слоев происходит его пополнение. Однако, как показывает Тощенко, среди исследователей доминирует мнение, что прекаризация труда — продукт «политической экономии неопределенности» (Бауман), тотальной нестабильности социально-экономических связей и отношений, повторяющихся в глобальном масштабе финансовых и экономических кризисов, общей атмосферы непредсказуемости.

Несмотря на различия характеристик неформально занятых, наиболее фундаментальной чертой, объединяющей их, является социальная обездоленность и уязвимость, связанные с прекаризацией. Ввиду неустойчивости нигде официально не зафиксированных социальных позиций таких работников они лишаются возможности пользоваться теми социальными благами, которые общество предоставляет официально работающим по найму, выпадают из сферы правовой защиты и социальных гарантий. Такое положение характеризуется высокими рисками и депривированностью социальных потребностей высшего порядка — в принятии обществом, социальном уважении, личностной и профессиональной самореализации. Кроме того, оно характеризуется социально-экономической неустойчивостью, отсутствием внятного социального статуса, неуверенностью в завтрашнем дне. Степень депривированности работников, относящихся к прекариату, такова, что в исследовании Г. Стэндинга прекариат располагается в стратификационной

структуре ниже, чем пролетариат, в интерпретации классического марксизма являющийся символом абсолютной обездоленности.

Подробно анализируя положение прекариата, Тощенко, опираясь на многочисленные исследования, оценивает его по разным показателям и приходит к выводу, что даже по уровню материальной обеспеченности неформально занятых он уступает официально оформленным работникам, несмотря на распространенное в обществе мнение, что доход от официальной занятости в бюджетных сферах ниже, чем у работающих по неформальному договору. Неформальная занятость обрекает работника на полный произвол работодателя, который может в свою пользу трактовать принятые устные договоренности, менять условия, избирательно соблюдать трудовое законодательство или не соблюдать его вовсе (неформально занятые вдвое чаще сталкиваются с несоблюдением работодателем трудового законодательства — с. 101). Неформальная занятость исключает для работника обращение к механизмам правовой защиты в случае производственных конфликтов, а также использование механизмов социальной защиты и социальных льгот, страхового медицинского обслуживания и кредитов.

Хотя процесс прекаризации захватил многие общества, в современной России он имеет свою специфику. Феномен прекариата в российских условиях тесно связан с одной из базовых проблем нашего общества — теневой экономикой. Хотя исследователи полагают, что наличие теневой экономики характерно для всех современных рыночных обществ и в принципе является нормой, если ее доля в экономике страны не превышает 10%, в России положение иное: доля теневой экономики, по разным источникам, составляет от 15% до 46% (с. 52). Такие масштабы теневого сектора обусловлены тем, что в период системных реформ ослабли социальные институты и снизилась эффективность контроля за экономикой. В то же время теневая экономика стала значимым источником занятости для огромного числа людей, выброшенных из официальной экономики в результате массового закрытия промышленных предприятий и НИИ, а также для тех, чьи доходы от официальной занятости были недостаточными для жизни в условиях «шоковой терапии». Не стоит сбрасывать со счетов и печально известные хронические невыплаты официальных зарплат и пенсий в 1990-е годы, а также выгодные для частного бизнеса теневые формы оплаты труда наемных работников.

Таким образом, гигантские масштабы российской теневой экономики стали результатом непродуманного сценария реформ и объективным следствием трансформационных процессов. В свою очередь, разрастание теневых экономических отношений повлекло за собой и рост теневой занятости на основе неофициального договора работодателя и работника. В такой системе координат не остается места для трудовых и социальных гарантий, — оплата наличными становится единственным благом для работника. Как говорил персонаж известной детской сказки, «нам бы ночь простоять и день продержаться» [1].

Другая разновидность прекариата — фрилансеры, растущий слой самозанятых, находящих себе работу и источник существования все чаще в Интернете, работающих дистанционно в самых разных сферах деятельности, люди творческих

и обычных профессий, сменившие род деятельности и осваивающие новые формы заработка: сетевую торговлю, интернет-журналистику, модерирование и администрирование сайтов, рекламную деятельность, создание и ведение блогов, приносящих доход.

Подробный анализ разных форм современной самозанятости, неофициального или полуофициального трудоустройства позволяет автору сделать вывод, что в России, как во всем мире, «в занятости наряду с традиционными и ранее распространенными ее видами появились деформированные, ущемленные, нестандартные формы трудовых отношений — неформальные, нетипичные, временные, неполные... в современной экономике стали расти группы людей, которые находятся в неустойчивом, негарантированном социальном положении» (с. 59). Делая акцент на депривированном состоянии представителей прекариата, Тощенко меняет шаблон привычного восприятия, для которого неофициальный и тем более дистанционный труд выглядит предоставляющим более высокую степень свободы и независимости работника, выводящим его за рамки жесткой схемы официальной полной занятости.

Основной пафос монографии, как и других книг Тощенко [5—7], — критический. Анализируя причины возникновения прекариата и его место в стратификационной структуре, автор не только раскрывает социальную и экономическую сущность прекариата как феномена современности, но и дает детальный и глубокий обзор состояния общества и экономики — как в глобальном обобщении, так и применительно к России и другим постсоветским странам. Эта задача решается на основе привлечения значительного массива исследовательской литературы и рассматривается в тесной увязке с глобальными процессами.

Как и целый ряд предшествующих работ Тощенко, монография написана на стыке социологии и философии. Однако если книги трилогии — «Парадоксальный человек», «Кентавр-проблема» и «Фантомы российского общества» — представляют собой построенные на феноменологических принципах типологизирующие описания современной российской действительности на грани философской эссеистики, то «Прекариат» — чисто социологическая работа, опирающаяся на большой объем данных эмпирических исследований, аналитическая и даже несколько сухая, как и подобает научному труду. Однако если вчитаться внимательно, сквозь текст монографии проступает скрытая философская прошивка: она связана с традиционной для философии антропологической проблематикой и затрагивает тему аутентичного бытия человека. Что важнее для того, чтобы чувствовать себя удовлетворенным жизнью, а жизнь — состоявшейся? Свободное парение в неопределенности и постоянное реформатирование профессиональной идентичности, карьерных целей и установок или ощущение стабильности и персональной значимости через востребованность обществом и рынком труда? Что ценнее для человека — официально занимать некую нишу в структуре занятости, обладая при этом всей полнотой прав работника и понимая обязанности работодателя, или же конвертировать свои трудовые права в живые и устраивающие тебя наличные деньги, заключив неформальный договор с работодателем и фактически превратившись в его бесправного и зависимого слугу?

Вынуждаемые ценить и принимать то, что предложило нам современное общество травмы, лишенное ориентиров, мы свыклись с урезанным и деформированным профессиональным статусом, со сниженной ценностью профессионального достоинства, мы забыли все это, как, согласно М. Хайдеггеру, современная философия забыла Бытие. Среднестатистический россиянин, социализированный в обществе травмы, привыкший жить, работать, решать свои проблемы в «тене-визированном» (Р.В. Рывкина) обществе, беззащитен и травмирован: он знает, что надеяться может только на себя, не верит в социальную справедливость, но верит в силу и деньги. В официальные институты он тоже не верит: в социальной памяти россиян еще живо воспоминание о том, как в годы «шоковой терапии» институты, казавшиеся незыблемыми, сложились, как карточные домики, обнажив растерянных и застигнутых врасплох людей, воспитанных в доверии к обществу и государству.

Разговор об обществе травмы — это разговор в макросоциологических категориях, однако само по себе понятие «травма» — очень «человеческое» понятие, отсылающее к ценностям милосердия и сострадания и неявно указывающее на ценность целостности. Человек общества травмы — «раненая» личность с деформированной жизненной траекторией и, самое главное, с урезанным самосознанием в том, что касается собственной личностной и профессиональной ценности. Деформация профессиональной идентичности — важнейшего элемента современного человека — неразрывно связана с травмой на макросоциальном уровне.

Общество всегда трансформирует человека под свое состояние, формируя соответствующий ему социальный тип, который становится доминирующим и, в свою очередь, накладывает печать своего миропонимания на характер повседневных практик и иерархию ценностей. От «винтика» производства, всецело погруженного в свою непосредственную функцию, до индивидуалиста-потребителя, равнодушного ко всему, кроме ассортимента товаров и услуг, от атеиста до религиозного фанатика — таков диапазон изменений социального типа личности в зависимости от флуктуаций социума. И если общество формирует тип человека, готового постоянно жить и работать в условиях неопределенности, добровольно отказавшись от социальных прав и гарантий, на которые мог бы претендовать согласно институциональному порядку, это говорит о деформации отношений между обществом и его рядовыми акторами. Во многом этот социально-психологический и социокультурный сдвиг свидетельствует о презентационном характере официального «портрета» общества при все более теряющей соответствие ему реальности.

Новая книга Тощенко вносит весомый вклад в социологическую рефлексию над состоянием современного российского общества: в ней дается трезвая оценка доминирующей тенденции происходящих в нем изменений. Эти изменения, к сожалению, не радуют: российское общество остается «обществом травмы» и «обществом травмированных». Неопределенность пришла в него не в ореоле свободы и снятия неоправданных ограничений, а в трагическом облачении разочарований и утрат. И для того чтобы травма была исцелена, необходимо осознание обществом ее как источника дефектов и деформаций жизненного мира

россиян. Именно в зеркале социологии общество и может увидеть свою травму. А проблема прекаризации труда — тот конкретный материал, который позволяет вплотную и крупным планом увидеть следы травмы сквозь призму профессиональных траекторий и в целом человеческих судеб наших соотечественников и современников.

Библиографический список

- [1] *Гайдар А.* Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове. М., 1961.
- [2] *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
- [3] *Тихонова Н.Е.* Место среднего класса в социальной структуре российского общества // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016.
- [4] *Тоценко Ж.Т.* Кентавр-проблема. М., 2011.
- [5] *Тоценко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2001.
- [6] *Тоценко Ж.Т.* Социология жизни. М., 2016.
- [7] *Тоценко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.
- [8] *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-364-372

**To heal the trauma:
Review of the book: Toshchenko Zh.T. *Prekariat:
From Protoproclass to a New Class.*
Moscow: Nauka; 2018. — 350 p.***

© Yu.G. Volkov, 2019.

The article was submitted on 28.02.2019.